

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ США

© 2018 г. Н. Кузнецов

I. DREYER J.T. *Middle Kingdom and Empire of the Rising Sun: Sino-Japanese Relations, Past and Present.* New York, NY: Oxford University Press, 2016. 472 p.

II. CAMPBELL K.M. *The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia.* New York, NY: Twelve: Hachette Book Group, 2016. 432 p.

КУЗНЕЦОВ Никита Дмитриевич, аспирант,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (nikita.kuznetsov18@gmail.com).

Рецензия поступила в редакцию 10.07.2018.

Ключевые слова: США, Китай, Япония, Тайвань, “перебалансировка”, союзники, альянс, система “оси и спиц”, федеративный подход, двухпартийный консенсус.

Политика США в АТР в период президентства Б. Обамы из второго по значимости направления американской внешней политики и стратегии безопасности уверенно стало первым. Это изменение было обусловлено не только превращением Тихоокеанской Азии в наиболее динамично растущий центр мировой экономики, а также экономическим и политическим возвышением Китая, но и теми глубинными процессами, которые развивались внутри самой американской элиты в связи с изменением роли США в мире и трансформацией миропорядка. Проблемы и тенденции развития Тихоокеанской Азии стали овладевать умами американских деловых кругов и внешнеполитического истеблишмента, становиться фокусом внимания и практической деятельности. Эти трансформации региональных и глобальных внешнеэкономических и внешнеполитических приоритетов затронули и научно-экспертное сообщество США. Его внимание к процессам в Тихоокеанской Азии не просто стало нарастать – научные публикации, посвященные экономике, политике и проблемам безопасности в регионе, превратились в важнейшую тему научно-политических дискуссий. На завершающем году второй администрации Б. Обамы, еще до того, как на политическую сцену вышел новый президент Д. Трамп, свет увидели две фундаментальные работы, значимые не только в научном, но и в политико-идеологическом отношении и в существенной степени обобщающие интеллектуальный опыт азиатской политики Б. Обамы.

Авторство первой принадлежит одному из крупнейших американских синологов Джун Дрейер (*June T. Dreyer*), начиная с последней четверти

XX в. являвшейся едва ли не самым востребованным специалистом по Азии в США.

Об идеологических взглядах автора может свидетельствовать то, что ее сотрудничество с “мозговыми центрами” ограничивалось преимущественно этими структурами консервативной направленности. В начале 1980-х годов она являлась сотрудником Института Гувера при Стэнфордском университете (*Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University*); в 1983–1998 гг. – членом консультативного совета в Центре азиатских исследований Фонда “Наследие” (*Heritage Foundation*); с 1999 г. – старшим научным сотрудником Исследовательского института внешней политики (*Foreign Policy Research Institute*).

Ее сотрудничество с исполнительной властью носило наиболее тесный характер при республиканцах. В период второй администрации Р. Рейгана Дж. Дрейер занимала пост советника по политическим вопросам в Азии при начальнике штаба военно-морских операций (*Chief of Naval Operations*) министерства обороны США, являясь членом исполнительной панели (*Chief of Naval Operations Executive Panel*)¹. В президентство Дж. Буша мл. с 2001 по 2006 г. она являлась членом американо-китайской комиссии по рассмотрению вопросов экономики и безопасности Конгресса США (*U.S. – China Economic and Security Review Commission*, до 2004 г. – *U.S. – China Security Review Commission*).

Широкому кругу политологов Дж. Дрейер известна в качестве члена редакционной коллегии

¹ Available at: <http://www.as.miami.edu/media/college-of-arts-and-sciences/content-assets/political-science/docs/cvs/Drey%20cv%202017%20November.pdf> (accessed 01.06.2018).

журналов *Journal of Contemporary China* (с 1995 г.) и *Orbis* (с 2000 г.) и автора многочисленных статей. Она также является членом британского Международного института стратегических исследований (*International Institute of Strategic Studies*) (с 1986 г.) и членом совета директоров Американской ассоциации китайских исследований (*American Association for Chinese Studies*) (с 2009 г.). Среди фундаментальных работ, утвердивших ее в качестве одного из лучших специалистов по Китаю, необходимо отметить книгу “Китайская политическая система. Модернизация и традиции” (*China's Political System: Modernization and Tradition*), опубликованную в 1993 г. и с тех пор выдержавшую 10 изданий только на английском языке.

Ее новая книга “Срединное государство и Империя восходящего солнца. Китайско-японские отношения в прошлом и настоящем” (*Middle Kingdom and Empire of the Rising Sun: Sino-Japanese Relations, Past and Present*), вышедшая после 23-летнего перерыва, посвящена истории отношений между двумя древнейшими государствами Азии и той роли, которую культурные и исторические противоречия продолжают играть в двусторонних отношениях.

Курт Кэмпбелл, написавший книгу “Перебалансировка. Будущее американского присутствия в Азии” (*The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia*), представляет иной спектр политического истеблишмента. Деятельность военно-морского офицера, награжденного медалями Республики Корея за службу, а также министерства и министра обороны США за выдающуюся общественную службу², была связана с демократическими администрациями, в которых он последовательно занимал посты заместителя помощника министра обороны по Тихоокеанской Азии, директора по персоналу Совета национальной безопасности, заместителя государственного секретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана. Наряду с Мишель Флурной³ (*Michele A. Flournoy*) К. Кэмпбелл является сооснователем Центра новой американской безопасности (*Center for a New American Security*), одного из ключевых “мозговых центров” Демократической партии.

I

Методологически книги существенно различаются. Дж. Дрейер придерживается преимущественно историко-описательного подхода, последовательно и настойчиво обращаясь к историческим фактам, разъясняя предпосылки и причины китайских, японских и американских действий. Проведенная автором источниковедческая работа

впечатляет: едва ли не каждый рассматриваемый политико-исторический сюжет преподносится не только с принятых устоявшихся позиций, но сопровождается ссылками на периодическую печать соответствующего периода.

Приятно отметить, что на книгу распространялась характерная для многих статей Дж. Дрейера проработка мельчайших аспектов исследуемого вопроса, способность учитывать незначимые на первый взгляд факторы. Детали, формально несущественные, но передающие дух и атмосферу времени, почерпнутые из китайских, японских и американских источников, сопровождают фактологический материал. Например, о ментальных препятствиях, противостоящих любому, стремящемуся направить китайское государство по пути западных реформ, свидетельствует пример группы китайцев, обучавшихся в Йельском университете и отозванных после того, как ее участники не оказали акт глубокого уважения (*ketou*), принятый в императорском Китае, посетившему их руководителю (I, pp. 52-53).

Ценность работы, кроме прочего, заключается и в том, что автору удалось продемонстрировать влияние психологии на государственную политику. Отмечая высокомерие китайских руководителей и сформированную им недооценку европейских держав, автор справедливо замечает, что спустя полвека та же ошибка была допущена Японией: “менталитет превосходства, выработанный для преодоления чувства неполноценности, привел к конфликту не только с Китаем, но и с западными державами” (I, p. 104), нанесшими поражение во Второй мировой войне. Этот политико-психологический фактор пронизывает китайско-японские отношения на протяжении всей их истории, и автор справедливо уделяет ему одно из центральных мест в книге, знакомя читателя с многочисленными, преимущественно китайскими, апелляциями к прошлому, требованиями извинений (I, pp. 216, 235-236, 238), чередой сменяющих друг друга политических условий (I, p. 170, 175). Дж. Дрейер разъясняет, что подобное моральное давление на руководство Японии сопровождалось политическим — через финансируемые КНР Социалистическую партию Японии и прессу (I, p. 168).

Дж. Дрейер отмечает, что доминирующий в японском руководстве подход к отношениям с Китаем носил преимущественно либерально-идеалистический характер: предполагалось, что “помощь Японии в модернизации Китая будет способствовать миру и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Одновременно рассмотрению рисков, создаваемых возросшими способностями КНР по использованию своих огромных людских ресурсов для модернизации сельского хозяйства,

² Available at: <https://www.belfercenter.org/person/kurt-m-campbell-0> (accessed 01.06.2018).

³ В 2009–2012 гг. — заместитель министра обороны США по вопросам политики.

промышленности, науки и техники, а также военной составляющей, уделялось незначительное внимание” (I, p. 318).

Наиболее ярко это проявилось в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда Япония оказалась единственным крупным развитым государством, отказавшимся выступить с осуждением или ввести санкции против Пекина за подавление протестов на площади Тяньаньмэнь (I, p. 227). Более того, в соответствии с официальным японским подходом, предполагавшим, что “изоляция Китая будет иметь худший эффект, чем попытка убедить его в том, что репрессивное поведение является контрпродуктивным” (I, p. 232), Токио стремился обойти введенные против Пекина санкции, выдавая инвестиции в китайскую инфраструктуру за кредиты под “гуманитарные” проекты, а также создав неправительственную организацию “для развития прочных и стабильных экономических отношений между Китаем и Японией”, состоявшую из 120 крупнейших банков и компаний Японии (I, p. 233).

Примечательно, что в отличие от японской политики, в которой преобладал либерально-идеалистический вектор⁴, Китай придерживался исключительно реалистского подхода. Он продолжил использовать давление и санкции в качестве основных инструментов взаимодействия с Японией, согласился поддержать заявку Индии на место постоянного члена СБ ООН (I, p. 273), отказав Японии и, очевидно, рассчитывая внести раскол в японо-индийские отношения, а японскую помощь развитию (*Official Development Assistance*) рассматривать в качестве замаскированных военных репараций (I, p. 233). Наряду с резко возросшим значением китайского рынка для японской экономики такая дихотомия в двусторонних отношениях не могла не сказаться на системе безопасности в Азии, в значительной степени базировавшейся на китайско-японских противоречиях, и поставила вопрос о внесении преобразований в ее архитектуру, не претерпевшую существенных корректировок с момента формирования в 1972 г.

Вместе с тем необходимо отметить, что, по мнению автора, существующий уровень враждебности между Китаем и Японией не может быть объяснен территориальными и торговыми спорами или военными преступлениями, совершенными японскими войсками в ходе Второй мировой войны; причины разногласий фундаментальны, лежат в исторической плоскости и “вряд ли могут быть решены извинениями или капитуляцией” (I, p. 428). Несмотря на достигнутый уровень эко-

номической взаимозависимости государствам не удастся вывести исторические споры за пределы текущей повестки, что приводит к перманентным кризисам в двусторонних отношениях. Дж. Дрейер считает, что в среднесрочной перспективе эта ситуация не претерпит изменений и может считаться константой в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

К. Кэмпбелл сосредоточен преимущественно на новейшем времени. Апеллируя к цифрам и экспертным оценкам, он разъясняет особенности сложившегося в Тихоокеанской Азии клубка противоречий между основными акторами. Географический охват существенно шире: в соответствии с зародившейся американской практикой автор рассматривает огромный Индо-Тихоокеанский регион, указывая на глубокую взаимозависимость его государств и общность гуманитарных, социально-экономических и военно-политических вызовов.

Предположительно, к 2030 г. две трети глобального среднего класса будет приходиться на АТР⁵. “Концентрация такого количества мировых потребителей в Азии трансформирует десятки отраслей по всему миру” (II, p. 71). В связи с этим среди общих для государств региона проблемных областей автор выделяет демографию, бедность, здравоохранение, проблемы экологии⁶ (II, pp. 57-71).

В работе К. Кэмпбелла огромное внимание уделяется международным институтам и региональным объединениям. Они рассматриваются автором в качестве неотъемлемого условия мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона. В работе, изданной до избрания Д. Трампа и соответственно выхода США из Транстихоокеанского партнерства (*Trans-Pacific Partnership, TPP*), заключение соглашения о *TPP* рассматривается в качестве краеугольного камня американской политики в Азии. По утверждению автора, Китай, изначально рассматривавший проект в качестве угрозы собственному доминированию, затем пересмотрел свой подход, придя к выводу о возможном участии в нем (II, p. 293).

По словам К. Кэмпбелла, воспроизводящего в своей книге основные подходы администрации

⁵ Kharas H., Gertz G. The New Global Middle Class: A Crossover from West to East. *China's Emerging Middle Class: Beyond Economic Transformation*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2010. P. 38.

⁶ Отмечая, что большая часть улучшений в мире произошла за счет Азии, К. Кэмпбелл указывает, что достигнутые показатели все еще значительно отстают от развитых стран. Так, с 1990 по 2010 г. доля бедных в Китае снизилась с 60 до 12%, в Индии – с 48 до 22%; в целом в Восточной и Юго-Восточной Азии за 20 лет около 600 млн человек вышли из черты бедности. С 1970 по 2012 гг. достигнуто снижение детской смертности до 5 лет на 1000 человек в Китае со 111 до 14, в Индии – с 211 до 56, в Индонезии – со 161 до 31. Одновременно, 13 из 20 самых загрязненных городов мира находятся в Индии (II, pp. 57-59).

⁴ Дж. Дрейер указывает, что в 1985 г. помощь Китаю составила 77.5 процента от общего объема иностранной помощи Японии во всем мире, “что даже не включало массовые коммерческие кредиты” (I, p. 318).

Б. Обамы, международные институты представляют ценность не сами по себе, а в качестве инструмента реализации американских интересов. Создание “институтов, ценностей и норм” (II, р. 174) призвано обеспечить ключевые для США интересы – “принцип открытых дверей”, свободу судоходства и др., – которые ранее достигались за счет недопущения доминирования какой-либо державы. Создание аналогичных институтов другими государствами рассматривается в книге в качестве угрозы формируемой архитектуре институтов и норм в регионе (*Asia's operating system*). По мнению автора, “если крупнейшие экономики Азии готовы предоставлять не ограниченные условия кредиты развивающимся государствам, самостоятельно или с помощью новых экономических институтов, таких как Новый банк развития БРИКС (*New Development Bank BRICS*) и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (*Asian Infrastructure Investment Bank*), то для международного сообщества будет все труднее использовать кредитование в качестве инструмента для продвижения устойчивых положительных результатов” (II, р. 191).

Важно отметить, что неолиберализм был доминирующим течением в “азиатской” группе президента Б. Обамы: Мишель Флурной и Или Ратнер (*Ely Ratner*), заместитель советника по национальной безопасности при вице-президенте Дж. Байдене, указывали, что меры безопасности являются наиболее действенными, “когда военное сотрудничество основывается на фундаменте общих экономических интересов. <...> TPP также представляет собой беспрецедентную возможность ... установить в Азии повсеместные торговые правила, которые продвигают ценности и интересы США”⁷. К. Кэмпбелл полностью разделяет данный подход: “перебалансировка” основана на предположении, что экономика и безопасность неразрывно связаны между собой в Азии, и что военной мощи вряд ли будет достаточно для поддержания американского лидерства в этом экономически динамичном и взаимосвязанном регионе (II, р. 291). В этом контексте подход двусторонних альянсов (“*bilateral alliances*” approach), реализованный в системе “оси и спиц” (“*hub-and-spoke*” system), предложенной госсекретарем Джоном Ф. Даллесом в качестве основы двусторонних отношений с союзниками в Азии, – фундаментально верный – потребовал модернизации.

“Перебалансировка” призвана скорректировать модель в соответствии с новыми реалиями. Основу продолжит составлять подход двусторонних

альянсов, однако он дополнен положениями двух других школ: “Китай прежде всего” (“*China first*”), предполагающей тесное сотрудничество с Китаем, и “транснациональные вызовы” (“*transnational challenges*”), акцентированной на объединении усилий различных стран для решения транснациональных проблем.

Роль США, более полувека выполнявших функцию единственного гаранта безопасности союзников и доминирующего игрока, по выражению автора, смещается в сторону “дирижера”, основной задачей которого является разработка механизма, позволяющего инициировать решения и управлять двусторонними связями между странами региона. Система “оси и спиц”, основанная на отсутствии сопоставимых военных партнеров, различии культур и взаимном историческом недоверии между странами региона (II, р. 226), позволявшая США эффективно координировать действия союзников, должна быть дополнена “шиной”, создав двусторонние отношения взаимозависимости.

Стремление администрации Б. Обамы сочетать военное сотрудничество с экономической взаимозависимостью было реализовано в военно-стратегической области в “федеративном подходе” (“*federated approach*”), “предусматривающем интеграцию оборонных отраслей промышленности” (II, р. 293), а в политико-экономической – в серии соглашений, к которым, кроме TPP, можно отнести тайваньско-японское (*Taiwan-Japan Fisheries Agreement*, 2013) и тайваньско-филиппинское (*Agreement Concerning the Facilitation of Cooperation on Law Enforcement in Fisheries Matters*, 2015) соглашения о рыболовстве, заключенные при посредничестве США, разрешающие совместное использование ресурсов, не делая уступок по вопросам суверенитета (II, р. 295). Подобная архитектура договоров направлена на расширение экономического взаимодействия между государствами региона, снижение накала территориальных споров, а в перспективе – на достижение консолидированной позиции по вопросу их принадлежности.

Другое нововведение, которое пытаются осуществить США, предполагает включение в систему “оси и спиц” широкого круга региональных партнеров, прежде всего Индии, Новой Зеландии, Тайваня, а также государств Юго-Восточной Азии и островных государств Тихого океана. США предстоит убедить их не только в необходимости крупных инвестиций в собственную оборону, но в том, чтобы развивать возможности, которые дополняют, а не дублируют американские (II, р. 306).

II

Для специалистов особенно интересным может оказаться предложенная К. Кэмпбеллом диф-

⁷ Flournoy M.A., Ratner E. A Trade Deal with a Bonus for National Security. *The Wall Street Journal*, 08.03.2015. Available at: <https://www.wsj.com/articles/michele-flournoy-and-ely-ratner-a-trade-deal-with-a-bonus-for-national-security-1425854510> (accessed 01.06.2018).

ференциация американского истеблишмента по вопросу политики в АТР. Автор отмечает, что Демократическая партия в части международных отношений разделена на “прагматическое крыло” и “идеалистов”. “Прагматики” делятся на две ветви: “глобалистов”, которые верят в силу экономической и технологической глобализации и международные институты, и “труманианцев” (“*Truman Democrats*”), разделяющих взгляды первых, но подчеркивающих важность военной мощи и морального лидерства США. “Идеалистическое крыло” Демократической партии включает тех, кто не доверяет институтам международной торговли и военного вмешательства (автор называет их “*come home Americans*”), и скептиков, которые с подозрением относятся к применению военной силы и призывают учитывать местные особенности (II, p. 320).

В прошлом прагматическое крыло могло согласовывать политику с Республиканской партией, однако сегодня сами республиканцы разделены. “Интернационалистский консенсус в Республиканской партии <...> больше не может считаться сам собой разумеющимся” (II, p. 321): либертарианское крыло, расширившееся в последнее время, и некоторые изоляционистские настроения контрастируют с “неоконсерватизмом” последних десятилетий.

В сравнении с другими направлениями американской внешней политики, курс США в Азии остается областью двухпартийного консенсуса и благодаря этому сохраняет свою последовательность. По словам автора это объясняется двумя факторами: во-первых, тем, что меньше людей вовлечено в азиатскую политику⁸. Во-вторых, — поддержкой интернационалистами обеих партий таких фундаментальных основ “перебалансировки”, как сильные альянсы, свободная торговля и передовое базирование (II, p. 322).

III

Другая совпадающая тематическая область двух книг — статус Тайваня. Примечательно, что его принадлежность стала едва ли не первым официально поднятым вопросом в зарождавшихся американо-китайских отношениях. Так, в 1854 г. в ответ на запрос правительства США на предмет того, являлся ли Тайвань частью Китая, правительство династии Цин, “будучи не осведомленным о последствиях для международного права и, возможно, желая уклониться от ответственности за частые инциденты, в которых моряки с потерпевших крушения кораблей были убиты аборигена-

⁸ Автор намеренно сравнивает азиатскую политику с ближневосточной, включая работу над соглашением по иранской ядерной программе, где такой консенсус отсутствует.

ми с Тайваня, ответило, что это был варварский регион, находящийся вне их контроля” (I, p. 390). Спустя полтора века фактическая независимость Тайваня рассматривается в качестве жизненно важного фактора не только Соединенными Штатами, но также Японией и Республикой Кореей (I, pp. 405-406, 412-413).

Риск осложнения отношений с Китаем вынудил США проводить более мягкую политику, направленную на диверсификацию внешнеэкономических связей Тайваня как фактора, препятствующего экономическому давлению “материка”. Избегая прецедента, требующего согласия Пекина, США способствовали вступлению Тайваня в организации, где государственность не является обязательной. Среди таких К. Кэмпбелл упоминает Международную организацию гражданской авиации (*International Civil Aviation Organization*), Всемирную организацию здравоохранения (*World Health Organization*), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (*Asia-Pacific Economic Cooperation*), Азиатский банк развития (*Asian Development Bank*), Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (*Framework Convention on Climate Change*). В этом контексте рассматривалось вступление Тайваня в *TPP* (II, p. 282).

IV

Различия в методологии, а также хронологических и географических рамках рецензируемых работ не скрыли общности авторских подходов к роли США в АТР. Постулат о безусловной необходимости доминирующего присутствия США в регионе является единым для обоих авторов и проходит красной нитью через их книги.

По мнению Дж. Дрейер, сосредоточенной преимущественно на эволюции американского присутствия в регионе, США рассматривали “британскую экспансию в Азии как потенциальное препятствие для собственных возможностей” (I, p. 54), начиная с миссии Уильяма Перри в 1854 г.

К. Кэмпбелл соглашается с ней в том, что цель США является неизменной с середины XIX в. По его мнению, “предотвращение гегемонии в Азии остается ключевой компонентой американской стратегии” (II, p. 171); равно как и базовые постулаты ее достижения: “поддержание свободной торговли, либеральные ценности и территориальная безопасность” (II, p. 171). “Перебалансировка”, отмечает он, должна затронуть средства, инструменты и их сочетания — экономические, дипломатические и военные (II, p. 171). К. Кэмпбелл идет значительно дальше, не без сожаления, хотя и с пониманием констатируя, что в течение последних двухсот лет Азия рассматривалась в качестве вторичного театра по отношению к Европе,

Латинской Америке и, в последние десятилетия, Ближнему Востоку (II, p. 161). Набирающее темп развитие отношений с Азией часто сворачивалось, когда требовались ресурсы для решения проблем в регионах, считавшихся приоритетными. Как результат, американская стратегия в Азии, по выражению К. Кэмпбелла, напоминала гармошку, сжимавшуюся, когда возникали проблемы в других регионах.

Фактически в работе К. Кэмпбелла признается, что впервые с XIX в. США не удалось предотвратить образование доминирующей державы в Азии (II, p. 174). Ирония заключается в том, что это стало возможным благодаря политике, проводимой дружественной американскому оборонно-промышленному комплексу республиканской администрацией Дж. Буша мл. Несмотря на то что в военно-стратегических документах Азиатский регион рассматривался как “подверженный крупномасштабному военному соперничеству” и признавалась возможность появления “военного конкурента с огромной ресурсной базой”⁹, на практике он оказался на периферии ее внимания¹⁰, сосредоточенного преимущественно на Ближнем Востоке и Афганистане. Кроме того, разработка и проведение согласованной политики осложнялись противоречиями внутри администрации. Старший советник по Азии Центра стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies*) Б. Глэйзер (*Bonnie S. Glaser*)

⁹ *Quadrennial Defense Review Report. U.S. Department of Defence*. 2001. P. 4. Available at: <http://archive.defense.gov/pubs/qdr2001.pdf> (accessed 01.06.2018).

¹⁰ McDevitt M.A. The South China Sea and U.S. Policy Options. *American Foreign Policy Interests*, 2013, vol. 35, no. 4, p. 182. DOI: 10.1080/10803920.2013.817923

отмечала, что ястребы во главе с министром обороны Д. Рамсфелдом выступали за жесткий подход на китайском направлении, в то время как заинтересованные в сотрудничестве круги бизнеса настаивали на политике вовлечения Китая в международные институты (их подход разделял государственный секретарь К. Пауэлл)¹¹. В результате “президент не мог сделать выбор в пользу одной группы, поскольку обе представляли его политическую базу”¹².

Напротив, демократическая администрация Б. Обамы, не уличенная в тесных связях с оборонно-промышленным комплексом США или коммерческих с Китаем, пришедшая к власти на фоне экономического кризиса 2007–2008 гг. и не формулировавшая внешнеполитическую повестку как приоритетную, оказалась способна провести фундаментальные изменения в американской военно-политической стратегии, определив ее направление на предстоящие десятилетия.

Неолиберальный подход, отраженный в книге К. Кэмпбелла, не вступает в противоречия с неореалистскими позициями, с которых написана работа Дж. Дрейер, а скорее удачно дополнен ими. Тот факт, что два автора, карьерные пути и идеологическая принадлежность которых различны, выступают за неизменное преобладающее присутствие США в Азиатском регионе, позволяет не только отнестись их к интернационалистам, но и подтверждает тезис К. Кэмпбелла о фундаментальном консенсусе по вопросу об азиатской политике, доминирующем в американском истеблишменте.

¹¹ Glaser B.S. Sino-American Relations Beyond September 11. *American Foreign Policy Interests*, 2002, vol. 24, no. 3, p. 227. DOI: 10.1080/10803920290032371

¹² Ibid.

TRANSFORMING A U.S. POLICY ON ASIA

[Review of the books: I. Dreyer J.T. *Middle Kingdom and Empire of the Rising Sun: Sino-Japanese Relations, Past and Present*. New York, NY: Oxford University Press, 2016. 472 p.; II. Campbell K.M. *The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia*. New York, NY: Twelve: Hachette Book Group, 2016. 432 p.]

(*World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 12, pp. 114–119)

Received 10.07.2018.

Nikita D. KUZNETSOV (nikita.kuznetsov18@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science (IMEMO), Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997, Russian Federation.

Keywords: US, Asia, Pivot, Taiwan, “hub-and-spoke” system, “bilateral alliances” approach, federated approach, bipartisan consensus.

About author:

Nikita D. KUZNETSOV, Post-Graduate (Political Sci.)